

В. Ф. Одоевский

Сказки дедушки Иринея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
О-44

О-44 **Одоевский В.Ф.**
Сказки дедушки Ириная / В. Ф. Одоевский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
118 с.

ISBN 978-5-518-95293-5

Владимир Одоевский - русский писатель, философ, музыкальный критик.

ISBN 978-5-518-95293-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© В.Ф. Одоевский, 2014

Содержание

Бедный Гнедко	5
Городок в табакерке	9
Житель Афонской горы	17
Мороз Иванович	19
О четырёх глухих	27
Отрывки из журнала Маши	34
Разбитый кувшин (Ямайская сказка)	63
Столяр	67
Червячок	73
Шарманщик	78
Анекдоты о муравьях	88
Серебряный рубль	93
Сиротинка	98
Два дерева	111

Бедный Гнедко

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчик, как он бьёт лошадку!.. В самом деле, она бежит очень плохо... Отчего ж это? Ах, бедный Гнедко, да он хромает...

— Извозчик, извозчик! Как не стыдно: ведь ты совсем испортишь свою лошадь; ты её до смерти убьёшь...

— Что нужды, — отвечает извозчик. — Уж или мне, или ей умереть! Нынче праздник.

— То-то и есть, что праздник, любезный: ты подгулял да и не посмотрел, что лошадь потеряла подковку: оттого она поскользнулась, спотыкнулась и зашибла ногу. Что мудрёного, что она не может бежать? Она, бедная, что шагнёт, то ей больно: тут не побежишь. А ты знаешь, что тебе надо будет платить за её лечение, за подковку, да ещё хозяин тебя будет бранить. Так тебе хочется во что бы то ни стало выручить деньги, навести, как ты говоришь; теперь же благо праздник, езды много, платят дорого... Да бедная-то лошадка в чём виновата? Виноватый-то ты, глупый мальчик: зачем ты не смотрел за нею, зачем не видал, когда она потеряла подковку?

Но он не слушает нас, он уже далеко. Вон он на Неве и всё погоняет бедную лошадь, а лошадь всё спотыкается, и что шагнёт, то ей больно. Бедная лошадка! Какое ей мученье!

А ещё ребятишки бегут за санями да смеются и над лошадкой и над извозчиком. А он ещё больше злится и вымещает свою злость на лошадке.

Но скажите, сделайте милость, как не стыдно этому толстому господину, который сидит в санях! Как он не запретит извозчику мучить бедную лошадку! Этот толстый господин завернулся в шубу, нахлобучил на глаза шляпу и сидит сиднем, как ни в чём не бывало.

— А мне что за дело, — бормочет про себя толстый господин, — я спешу на обед. Пусть извозчик убьёт свою лошадь; не моя лошадь, мне что за дело.

Как вы думаете об этом, мои друзья? Будто оттого, что это не его лошадь, так и надобно ему смотреть равнодушно на её мученье?

Бедный Гнедко! Как мне жаль его! Я давно знаю эту лошадку. Я помню, как она была ещё жеребёнком. Тогда, бывало, по весне солнце светит, птички чирикают, роса блестит на лужайках, в воздухе свежо и душисто. Вот Серко пашет землю, а наш жеребёнок бегаёт вокруг матки: то подбежит к ней, то отскочит, пощиплет молодую травку, и опять к матери, и опять брыкнет: весёлая тогда была его жизнь! Вечером возвратится домой: его встретят Ванюша с Дашею, расчешут его коротенькую гривку, вытрут соломою. Уж как Ванюша с Дашею любили своего жеребёночка! Бывало, вместо того чтобы бегать без всякого дела, они нарвут молодой травки, положат в коробок и кормят своего жеребёночка; на ночь натаскают ему подстилки, да и днём кусочка хлеба не съедят, чтобы не поделиться с своим приятелем. И как жеребёнок-то знал их! Бывало, издали увидит Ванюшу с Дашею, пустится к ним со всех ног, прибежит, остановится и смотрит на них, как собачка. В такой холе подрос наш жеребёночек, выровнялся и стал статною лошадкою. Вот отец Ванюши подумал, подумал, погадал: "Жалко такую лошадь в соху запрячь; сведу-ка я её в город, да продам; мне за неё цену двух лошадей дадут". Сказано, сделано: свели Гнедка на Конную, в Петербург, продали извозчику. А уж как плакали Ванюша с Дашею, как они упрашивали извозчика беречь их Гнедка, не заставлять его возить тяжести, не мучить его... Они возвратились домой очень печальные: чего-то им не доставало. Отец радовался, что получил за Гнедка хорошие деньги, дети же горько плакали.

Но в этих разговорах мы прошли почти всю набережную... Посмотрите, посмотрите: что это там столпился народ!.. Пой-

дём. Ах, это наш бедный Гнедко! Посмотрите: он упал и не может больше встать; прохожие помогают извозчику поднять его; они поднимут, он опять упадёт. Как нога у него вспухла! Сам извозчик теперь плачет навзрыд. "Поделом ему", — вы скажете; нет, не говорите этого: он уже сам видит свою вину и уже довольно наказан. Как он покажется на глаза хозяину? Да и что делать теперь с лошадыю? Оставить её на улице нельзя; сама она идти не может; надо нанять другую лошадь с санями и на сани взвалить бедного Гнедка. Но на это нужны деньги, а у извозчика их нет: толстый господин рассердился, зачем лошадь упала, и не заплатил ничего... Бедный Гнедко! Он не может шевельнуться, зарыл голову в снег, тяжело дышит и поводит глазами, как бы требуя помощи. Бедный, он не может даже кричать, потому что лошади не кричат, как бы жестоко ни страдали. "Злой извозчик! Зачем ты так измучил бедного Гнедка?" — Но перестанем упрекать его, хотя он и много виноват, а лучше дадим ему денег, пусть он наймёт товарища свезти Гнедка на квартиру, да прибавим совет: вперёд не ездить на хромой лошади и не требовать от больной, чтобы она бежала, как здоровая. На днях пошлём узнать, лучше ли нашей лошадке.

Вообще, друзья мои, грешно мучить бедных животных, которые нам служат для пользы или для удовольствия. Кто мучит животных без всякой нужды, тот дурной человек. Кто мучит лошадь, собаку, тот в состоянии мучить и человека. А иногда это бывает и очень опасно. Вы видели, как иногда дурные ребята дразнят на улице собак, кошек, бьют их, привязывают им палки к хвосту; послушайте же, что однажды случилось с такими ребятами, как они жестоко были наказаны за свою злобную охоту.

Несколько лет тому назад здесь, в Петербурге, на площади, отстала от хозяина маленькая, смиренная собачка Шарло: она испугалась, прижалась к стене и не знала, что делать. Тогда окружили её ребята; ну дразнить её, ну бить, бросать камнями, таскать за хвост. Они вывели бедную собачку из терпения, она

бросилась на них и некоторых укусила. Что же вышло? Собачка осталась здоровою, а ребятишки?.. Вы знаете, что бывает с человеком, когда его укусит бешеная собака? Он получает отвращение к воде, желание укусить и умирает в ужаснейших терзаниях: подумать страшно! Поверите ли? То же случилось и с укушенными ребятишками: они взбесились. Да, мои друзья, этот случай был новым доказательством того, что когда собаку долго дразнят и она, рассердившись, укусит, то её укушение бывает так же опасно, как укушение бешеной собаки. Не мучьте же никакого животного, друзья мои, потому что это грешно и показывает злое сердце, и не мучьте собак, даже в шутку, потому что это и дурно, и опасно.

1841

Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку.

— Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка, — сказал он.

Миша был послушный мальчик, тотчас оставил игрушки и подошёл к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! Пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвёртый, и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встаёт солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

— Что это за городок? — спросил Миша.

— Это городок Динь-динь, — отвечал папенька и тронул пружинку... И что же? вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять; он ходил и к дверям, — не из другой ли комнаты? И к часам — не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец, Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошёл к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадётся тихонько по небу, а небо и городок всё светлее и светлее; окошки горят ярким огнём и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, всё ниже да ниже, и, наконец, за пригорком совсем скрылось, и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только не надолго. Вот затеплилась звёздочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городе стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

— Папенька! папенька, нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

— Мудрено, мой друг. Этот городок тебе не по росту.

— Ничего, папенька, я такой маленький. Только пустите меня туда, мне так бы хотелось узнать, что там делается...

— Право, мой друг, там и без тебя тесно.

— Да кто же там живёт?

— Кто там живёт? Там живут колокольчики.

С сими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колёса. Миша удивился.

— Зачем эти колокольчики? Зачем молоточки? Зачем валик с крючками? — спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал:

— Не скажу тебе, Миша. Сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе всё изломается.

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел над нею, смотрел, смотрел, думал, думал: отчего звенят колокольчики.

Между тем музыка играет да играет; вот всё тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца и из дверцы выбегает мальчик с золотой головкой и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

Да отчего же, подумал Миша, папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нём живут добрые люди; видите, зовут меня в гости.

— Извольте, с величайшей радостью.

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почёл долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

— Позвольте узнать, — сказал Миша, — с кем я имею честь говорить?

— Динь, динь, динь, — отвечал незнакомец. — Я — мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились про-

сить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь, динь, динь, динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пёстрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, ещё меньше; четвёртый, ещё меньше, и так все другие своды, чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

— Я вам очень благодарен за ваше приглашение, — сказал ему Миша, — но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды; там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите...

— Динь, динь, динь, — отвечал мальчик, — пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. В самом деле, с каждым шагом, казалось, своды поднимались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошёл, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлён.

— Отчего это? — спросил он своего проводника.

— Динь, динь, динь, — отвечал проводник смеясь, — издали всегда так кажется; видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели: вдали всё кажется маленьким, а подойдёшь — большое.

— Да, это правда, — отвечал Миша, — я до сих пор не подумал об этом и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька, на другом конце комнаты, читает книжку.

Только этого мне никак не удалось сделать! Тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а всё на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит; а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня у окошка, а папенька сидит на другом конце у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше её ростом; но теперь вижу, что маменька правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке: очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил.

— Динь, динь, динь, как смешно! Динь, динь, динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь, динь, динь, динь!

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

— Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите: динь, динь, динь!

— Уж у нас поговорка такая, — отвечал мальчик-колокольчик.

— Поговорка? — заметил Миша. — А вот папенька говорит, что нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пёстренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его — оно с неба сойдёт, вокруг руки обойдёт и опять поднимется. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждой крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.